

Чем больше проходит времени после его возвращения на Родину, тем больше крепнет в нем уверенность, что нашел-таки он этот заветный ключик. А впервые Александр Исаевич Солженицын пришел к такому выводу, размышляя об отечественной истории и судьбах сегодняшних россиян, еще будучи в изгнании, в Вермонте, в Соединенных Штатах Америки.

Он не любит давать интервью журналистам — предпочитает проверять свои мысли на обычных, как принято говорить, рядовых, ничем не примечательных и никому не известных людях. И не в сибирской, самодовольной, верхоглядной столице, а где-нибудь в сельской глубинке или провинциальном городе. Он и о себе с гордостью говорит: "Я коренной российский провинциал" или "Я принципиальный сторонник провинции". Солженицын еще при Советах громко и ясно заявлял: "Станет ли наша страна цветущей, решительно зависит не от Москвы, Петербурга, Минска, Киева, а от провинции". Поэтому и сейчас, несмотря на свой почтенный возраст (77 лет все же!), как никто из нынешних российских писателей, много ездит по провинции.

Одна из самых последних его поездок только что состоялась на Пензенскую землю.

— Но почему именно Пенза вдруг стала очередным адресом ваших интересов? — первое, что спросили у него в этом городе.

— Потому что ни разу еще не бывал здесь, — попробовал отшутиться он, смехнувшись лица улыбку, уже серьезно добавил: — Очень много слышан про ваши края. Тем охотнее буду с ними знакомиться. К тому же мне рассказали, здесь имеется довольно интересный опыт решения проблем, которые меня волнуют, например возрождение земства...

А НАЧАЛО ВСЕ С КОНФУЗА

Не каждый день лауреаты Нобелевских премий, да еще такого масштаба, как Солженицын, приезжают в губернскую Пензу. Встретить его на перрон железнодорожного вокзала кроме официальных лиц пришел весь местный бомонд — писатели, художники, журналисты, музыканты, любители его творчества и просто любители поглазеть. Все ожидали, что именитый гость приведет в одиннадцатом — "губернаторском" — спальном вагоне фирменной "Суры", в котором обычно ездит только руководители области да самые "крутые" из здешних "новых русских". Но оказывается, Александр Исаевич, всю жизнь путешествовавший в теплушках да "народных" плацкартных вагонах, не изменил своей привычке и теперь.

Пренебрег он и черной "Волгой", поданной к подъезду его гостиницы для осмотра города. "Я привык только пешком, — голосом, не терпящим возражений, сказал Александр Исаевич. — Иначе и Пензы не почувствуешь".

Маршрут своих прогулок также выбрал сам. Первым делом заглянул к работникам миграционных служб. Больше часа длилась эта встреча. Александр Исаевич вынул во все мелочи обустраивающих прибывающих сюда беженцев, а также вынужденных переселенцев из "горячих точек" России и стран ближнего зарубежья. Их бед и боль за поруганное достоинство Солженицын воспринимает как личную трагедию. Но об этом несколько позже. А пока пойдём за ним дальше.

Из миграционной службы он поспешил поклониться великому пензенку — историку **Василию Осиповичу Ключевскому** — в его домике-музее. По пути полюбовался чудом сохранившимися старинными купеческими особняками на центральной Московской улице. Прошелся по парку имени Белинского, кстати, одному из лучших в России. А вот знаменитую Пензенскую картинную галерею и не менее знаменитые музеи — "Одной картины", народного творчества, театральной имени Мейерхольда, литературный и тем более музей отца Ленина Ильи Николаевича Ульянова (тот здесь начинал учительствовать, познакомился с будущей матерью вождя — красавицей Марией Бланк, с которой позже и обвенчался) проигнорировал. Зато направился к Лермонтовскому скверу, чтобы поглядеть на палаты, в которых когда-то вице-губернаторствовал **М.Е. Салтыков-Щедрин**.

Причем ходил он по Пензе настолько быстрым и непривычным для местного людского шага, что сопровождавшие его работники областной администрации, по возрасту годящиеся ему чуть ли не во внуки, еле поспевали за своим гостем. Благо еще, что Солженицын всюду узнавали, заговаривали с ним, просили автограф. Он охотно вступал в беседу и никому не отказывал в автографе, если... предлагали сделать надписи на его собственной книге. Ни на чем другом, даже на своем портрете, Солженицын автографов не дает.

Еще один конфуз случился, когда Александр Исаевич отказался от шикарного обеда, специально для него приготовленного лучшим поваром одного из самых знаменитых своей кухни пензенских ресторанов. "Мне бы чего-нибудь попроще, — взмолился он, — чайку, например, бутерброд с маслом..." Забегая вперед, скажу, что во время его многочисленных поездок по области, увлекшись разговорами, он зачастую и вовсе забывал о еде. Наконец порядок оглодавшие сопровождавшие его лица взмолились — дескать, они тоже могут обойтись без обеда, потерпят до дома (почувствать писателя всегда возвращался в Пензу), но водителем не должен страдать, дорога — не ближний свет и не ахти какая! После этого Александр Исаевич смирился — так и быть, полчасика из своего до предела насыщенного времени стал жертвовать на обед.

Удивил он всех и на первой же официальной встрече с жителями Пензы в местном Доме искусства. Но сначала, видимо, следует заметить, что вообще-то пензяки — народ изловчатый. Ведь не зря их город, эти "Мордовские Афины", пролетарский писатель Максим Горький назвал еще и "литературной столицей России". Он имеет отношение ко многим главным именам нашего Отечества — от Лермонтова, Белинского, Радищева, Дениса Давыдова до Куприна, Булгакова, Ключевского, Мейерхольда, Моззхулина, Руслановой... Поэтому не обходит своим вниманием Пензу и современные писатели, другие столпные деятели культуры. Но встречи с ними в том же Доме искусства, как правило, проходят по одной "коллекте": сначала высокий гость долго рассказывает о себе или еще о чем ему вздумается. А уж потом иногда отвечает и на вопросы, если они у кого-нибудь к тому времени появятся. Солженицын и здесь оказался похожим только на самого себя.

— Друзья мои! Я никогда не приезжал к готовой речи. Меня интересуют, что скажете вы, а не то скажу я, — с ходу заявил он.

Занявшись и, как мне показалось, даже растерялся. На какое-то время нависла тугая-тосочная молчанка. Очень уж непривычным показалось такое начало. Наконец несмело вышел на сцену мужчина и, поклонившись Солженицыну в пояс, начал каяться и просить у него прощенья за то, что лет двадцать назад, выступая на комсомольском собрании, клеймил его всякими нехорошими словами и даже декламировал по-паванский стих из тогдашнего "Крокодила". Александр Исаевич отмахнулся от него как от назойливой мухи, мол, он давно уже всех простил и ни на кого зла не таит.

Не успел мужчина сойти со сцены, как его место заняла экзальтированная дамочка балзаковского возраста. И заговорила: "Ах, какой вы мудрый! Ах, какой вы великий! Ах, спасибо, что почтили своим вниманием наше захолустье!". Александр Исаевич не знал куда деться. Зато развешенная дамочкой публика выиг ос-

"СУДЬБА НАРОДА — ЕГО ХАРАКТЕР"

с ходу, как о давно выношенном, продуманном и понятном, отвечает Солженицын.

— Жизнь в тюрьме и лагере научила меня: сам человек, его характер, а не среда, как принято было считать в XIX веке (помните — "среда зела", "среда виновата", "среда исправила, и все будет хорошо"), определяют его судьбу, — убежден он. — И пока человек не ста-

нет человеком и не распрямится — ничего хорошего из него не получится.

Да, жизнь в России сегодня тяжела, очень даже тяжела. Но разве и мы сами не замечали, что и в этой сверх трудной обстановке от любого нашего решения и собственного поступка, порой даже самого маленького, пустякового, незаметного, зависит слишком многое — наша судьба?

— Судьба человека, — утверждает Солженицын, — это его характер. Точно также и судьба народа — его характер.

Поэтому и на заданный вопрос: "Что будет с Россией?" — он ответил так: "Каков характер нашего народа — такова будет и судьба России".

Один из выступающих, психолог по образованию, призвал Александра Исаевича "не сыпать соль на раны". И без того, дескать, жизнь ужасна. Не говорит же, мол, врач смертельно больному человеку, что тот болен, скажем, раком. И вообще, по мнению этого психолога, в сегодняшней ситуации лучше утешать людей, вселять в них веру, а не расстраивать.

— Да как вам сказать, — задумчиво начал Солженицын. — На Западе врачи давно уже говорят правду в глаза, даже самую страшную, как бы она горька не была. И это там признается актом гуманизма.

Да и что в том плохого, когда узнаешь полную правду? Такое доверие, на взгляд писателя, не только не подавляет человека, а наоборот — собирает его волю, делает сильным.

Александр Исаевич знал, что говорил. В свое время, будучи в ссылке, когда он заболел раком и от врачей (блага, что они сами были сильными и не привыкли скрывать правду) узнал, что ему "жить осталось максимум два месяца", именно благодаря этому знанию и своему характеру (а не только изворотливому киргизским косяком и другим снадобрьям) встал на ноги и вылечился.

И на вопрос о судьбе России — возродится ли она? — Солженицын, по его словам, тоже проще и легче всего было бы ответить так: "Друзья мои, не унывайте, наш народ никогда не пропадет. Наш народ обязательно выберется из своей сегодняшней ямы, из постигшего его ужасного кризиса и хаоса!", но...

— Я рзозво утешать не привык, — сказал Александр Исаевич. — Но не привык гробить, то есть говорить, что мы попали в такое невылазное положение, из которого выхода нет. Могу сказать только одно: все зависит от нас самих.

А мы, к сожалению, далеко не всегда на высоте. Александр Исаевич с горечью рассказывал, что на последние времена в разных концах страны провел более сорока встреч с россиянами. О чем только с ним не разговаривали, о чем только не спрашивали. Но одну тему, будто сговорившись, за исключением единственного раза у границы с Казахстаном, не затронули.

Это — судьба наших соотечественников или "отрезанных россиян", как их окрестил сам Солженицын, в странах так называемого ближнего зарубежья. Жили-жили они там, в третьем-четвертом поколениях считали, что у себя на родине находятся. И вдруг проснулись однажды, а им говорят: вы здесь нежелательные иностранцы, убирайтесь вон! И хотя таких "отрезанных соотечественников" аж 25 миллионов, для нас их будто и нет. Мы о них не думаем и не вспоминаем. Вот и на пензенских встречах ни разу не заведоли разговор о них и не интересовались их судьбой. Словом, как всегда, пока жареный петух нас самих в одно место не клюнет, мы и не пошевелимся. Это тоже наш народный характер, — делал он упрек своим собеседникам на каждой встрече. — Это тоже наша национальная сознание! Какая же страна может бросить 25 миллионов своих соотечественников и забыть? Нет, совсем не случайно порою учреждения, которое посетил Солженицын по приезде в Пензу (помните?), было миграционной службой. Да и во всех других местах, где успел побывать Александр Исаевич, он старался встречаться с работниками этих организаций и самими переселенцами. И в Никольске, и в Наровчатке, и в Старой Каменке, Тарханах, Кузнецке... Даже специально в совхоз "Дертевичский" ездил, в котором ему сказали, особенно много беженцев пригнали.

И где бы не встречался с людьми Александр Исаевич, какие бы обидные слова не слышал в свой адрес, ни одно выступление, ни одно пожелание, ни один вопрос он не оставлял без ответа. Даже такие наивные, которые действительно могли сказать только в глухой провинции. Был, мол, там в Москве недалеко от президента живете, поди и в гости к нему ходите. Вхожи и в кабинеты его ближайших помощников. Передайте им, что дальше так жить уже невозможно. Когда мы голосовали за Ельцина-президента, не таким он нам представлялся, какими показал себя теперь. О чем там они думают за закрытыми дверями своих высоких кабинетов? Чего еще нам от них ждать?

— Я бы тоже не меньше вас хотел знать, что творится в тех кремлевских кабинетах, — на полном серьезе отвечает Солженицын. — Но я туда не вхожу. Хотел бы я знать и как это можно переклассифицировать российские предприятия продавать за бесценно, приватизировать их за один процент реальной стоимости. За один... Менее всего вы встретите во мне хвастающегося того, что у нас сегодня происходит. Я критично жестокашнее. Но сам ни к какой партии не принадлежу. Я вообще все сегодняшние наши партии считаю ненужной выдумкой, фантазией, мыльными пузырями.

Александра Исаевича очень тревожат события на Кавказе, на южных окраинах России. "Чечня — это ужасно!" — высказал он свое отношение к тамошним событиям на встрече с военными. — Кто-то сперва подарил Дудаеву танки, авиацию, химическое оружие. Пожилаи дружки друга: виноват он, нет — он, и замолчали. А теперь за счет пенсий и других социальных источников это оружие выкупаем. Большой глупости не придумаешь!.. Чечню надо было сразу отпустить, — считает Солженицын. — Чего за нас держимся? Будто от Чечни наше богатство произойдет?..

— Согласны, не произойдет, но кто-то

ведь должен ответить за чеченскую авантюру? — пытаются его собеседники. — Кто, на ваш взгляд, в первую очередь виноват — президент, министр обороны или...

— Конечно, можно поговорить и о конкретных личностях, — спокойно отвечает Солженицын. — Но скажу вам так: мне уже на Западе надоели такие разговоры, потому что они бесполезны. И не думайте, что если Иванову заменить Петровым, а Козлова — Сидоровым, то только от одного этого все изменится к лучшему и дальше пойдет как по маслу. Не изме-

нится и не пойдет. Сменю вас заверить. Поэтому я всегда предпочитаю вести речь не о личностях, а о процессах. Стараюсь смотреть в глубину...

"РУКИ РАЗВЯЖЕТ ЗЕМСТВО"

Еще живя в Вермонте, он сердцем почувствовал и умом высчитал: с Россией плохо. Теперь, изъездив всю страну, как говорится, вдоль и поперек, убедился, что "российский корабль пробит в 150 местах или, как он сам выражается, "течет в 150 дыр". И в то же время за год жизни здесь Солженицын, по его словам, столько видел людей инициативных, талантливых, энергичных, рвущихся в дело. Но руки-ноги у них по-прежнему, как и при Советах, связаны, способности не востребованы, потому что и при "демократях" в России все решается сверху.

— Я говорил и буду говорить: демократией у нас и не пахнет! — со всей ответственностью заявляет Солженицын. — Демократия у нас и не начиналась. Демократия — это когда народ управляет собой сам. А у нас страной управляет олигархия, то есть определенная группа связанных между собой лиц, как бы плавающих над народом.

— Вы видели дерево или траву, которые растут сверху? — не скрывая своего ироничного тона, с присущим ему сарказмом вопрошает пензяков Солженицын. — Не видели? И я не видел. Вот так и в обществе — ничего по указке сверху не вырастает!..

— Вы думаете, почему так хорошо живут в Швейцарии или Америке? — снова вопрошает он, и опять сам же себе и отвечает: — Потому что 85-90 процентов всех вопросов, касающихся жизни человека, там решаются на месте. А на то, как там "плывут" или "кувыркаются" в Вашингтоне или Берне, какой президент, какое правительство, им наплевать. Ну, исключая разве что вопросов войны и мира. Вот и нам надо дать возможность каждой ячейке (общине, селу, району, малому городу, а потом и крупному городу) иметь свое самоуправление, свои финансы и право распоряжаться ими.

В России такое местное самоуправление раньше называли земством. Еще в изгнании, размышляя над отечественной историей и судьбами сегодняшних россиян, писатель пришел к выводу: "затюкано только земство может развязать руки россиянам, только земство — ключ к спасению России". И теперь, по возвращении на родину, чем дальше он живет здесь, чем больше знакомится со страной и своими соотечественниками, тем больше в том укрепляется его уверенность.

— Зачем полагивничать и изобретать велосипед, когда у нас уже шесть веков назад, еще до Ивана Грозного, отлично себя показала такая идеальная для России форма местного народного самоуправления, как земство? — горячится он. — Понятно, сейчас иные времена и, естественно, я не призываю к восстановлению старого земства. Я за то, чтобы в нынешних формах местного народного самоуправления, в возрожденных на новой основе земствах аккумуляровалось все лучшее, проверенное веками российской жизни, и в первую очередь их внепартийность, внациональность, внеполитичность.

И хотя Солженицын о найденном им "ключе возрождения России" говорит не только на встречах с народом в далекой провинции, но и с высокими трибуны (в том числе и кремлевских), его усилия точно уходят в песок или упираются в вату. Ему не перечат. С ним соглашаются. И ничего не претворяют в жизнь.

— Иногда тот или иной политик схватывает две три мои идеи и выдает как свои, — ухмыляется Александр Исаевич. — Да ради Бога, хватит! Мне не жалко! Только проведи их в жизнь! Не проведат.

Он с горечью замечает, что и из западных опыта, которому сегодняшние правители России всеми силами стараются подражать, перенимают только чисто внешнее. Ага, дескать, у них парламент — и у нас будет парламент, у них конституционный суд — и у нас конституционный суд, у них много партий — и у нас также... Ну и что?

"А не получится ли так, что при буйстве партий и упования на реформы сверху мы окончательно загубим провинцию и заморочим деревню?" — тревожится Александр Исаевич.

Буйство партий для русского человека, по его мнению, это "всобщее невыносимо, клонящаяся какаш-то". Да и не в партиях, мол, дело, они нас не спасут. Дело в том, чтобы в местном самоуправлении были представлены все социальные группы. И не в механическом голосовании прок, а в согласовании (это был старый русский обычай) — в согласовании мыслей, предложений, выработки общей программы.

К сожалению, наши государственные мужи, парламентарии пока не смогли решить даже один из самых главных, животрепещущих и острых вопросов, каким является сегодня вопрос о землепользовании. А ведь от его правильного решения в жизни россиян зависит слишком многое. Но так как они собирались немедленно приватизировать всю землю — может, и хорошо, что не решили. Солженицын вспоминает, что еще год назад, когда он только вступил на российскую землю, больше всего боялся, что, не дай Бог, в свете межпартийной фракционной борьбы парламентарии примут тот предложенный им проект "идиотского закона" о землепользовании.

Ну, что толку, например, что, наконец, приняли документ о местном самоуправлении? Он, ой-ой, как далек до того, который нужен сегодня России.

Но даже хороший закон сам по себе в нашей стране ничего не решает. Вот, к примеру, неплохие приняты "Основы законодательства о культуре". Согласно им из федерального бюджета культуре должны отдавать два процента всех средств, а из областного — даже не меньше шести. Спрашиваю: отдадут? Нет, отвечают, наши парламентарии "забыли" о подзаконных актах. А без них закон — пустая бумажка, не работа. Кто знает — сколько еще вот таким же образом похоронено хороших законов, указов, распоряжений?

В Пензу Солженицын приехал в самом начале, выражаясь его языком, "очередного кошмара", "предвыборной лихорадки", "предвыборного балагана". Поэтому много разговоров с ним было и на тему очередных выборов в российскую Думу.

— Мало того, что вопросы земства, местного самоуправления в программах почти всех кандидатов начисто отсутствуют, а тут по новому закону вообще глупость сморозили, — возмущался он. — Теперь даже если явятся на выборы только 25 процентов населения, все равно

считается, что они состоялись. Как же остальные три четверти народа? Их в упор не видят, на них можно и наплевать! А где, в какой стране мира вы видели или хотя бы слышали, чтобы человек, занимающий высокий государственный пост, имеющий власть, мог бы спокойно баллотироваться? Только у нас! Да ты сначала сдай свои дела, откажись от коммерции, а потом уж, на здоровье, избирайся! А зачем? У нас по новому закону и так все можно. Можно, например, быть министром или даже воем в законе, многим чем владеть и баллотироваться в депутаты. Ну так, протрите, какие же это выборы? И каких результатов можно ждать? Чем размахивает такая политическая жизнь, тем больше утрачивается духовная...

"Ждать хорошего можно только от местного самоуправления", — с упорством неопита еще и еще раз повторяет Александр Исаевич. Его собеседники тоже не остаются безучастными к земству. Одни горячо поддерживают писателя, другие с ходу отвергают. Третьи боятся, как бы сегодняшних сельских жителей, за десятилетия советской власти отученных жить своим умом, привыкших ждать "указок" сверху, не пришлось бы насильно загонять в земство, как в свое время загоняли в колхозы. Самим главам местных администраций очень импонирует мысль о земстве, они даже пытаются что-то делать в этом плане, но... "С нашими \"дырявыми\" бюджетами, бесправностью, бесконтрольностью, безотчетностью перед людьми, нас избравшими, о каком полномочном земстве может идти речь, — вздыхал в разговоре со мной глава администрации Никольского района Александр Андреевич Климов. — Назови нас как угодно, проку будет мало, если в корне не пересмотрят само положение об органах местного самоуправления". На эту тему он делился мыслями и с Солженицыным. Понятно, что не в названии дело, соглашался Александр Исаевич. Он и не призывает враз заменить все районные и сельские администрации земскими управами, а парламент — земским собором. Дело это, с его точки зрения, не простое, а очень трудное и долгое. Но много пути спасения России, он убежден, не существует.

— А может, царя нам не хватает? — спросил его на полном серьезе на одной из встреч.

— Монархия — это такой строй, когда царь искренне верит, что он помазанник божий. И каждый его подданный такого же мнения о своем царе, — так же серьезно ответил писатель. — Нам же до такой веры далеко. А без веры все эти разговоры о царе и монархическое движение — просто дань моде или, извините, оперетта.

На пензенской земле Александр Солженицын провел пять дней. Это были пять дней поездок по городам и весям, монастырям и святым для каждого россиянина местам, связанным с памятью великих сынов Отечества. Пять дней, до предела заполненных встречами с людьми, разговорами про жизнь, про то, как быстрее возродить и лучше обустроить Россию.

Он не обманулся в своих ожиданиях. В этой поездке как бы "почувствовал" душу России, прикоснулся к ее корням и даже увидел первые, пусть пока и очень робкие, начатки земства, местного народного самоуправления, которым еще расти и расти. Писателя порадовало, что администрация области и сам пензенский губернатор Анатолий Федорович Ковлягин, не в пример иным его коллегам, по добром, со вниманием опекает эти "начатки". В свою очередь губернатор и других жителей области разговоры с Солженицыным во многом озадачили. И если не заставили пересмотреть взгляды, то уж задуматься непременно.

Москва — Пенза — Москва
P.S. Увы, в России и сегодня не очень жалуют правозащитников и правдолюбцев. История начинает повторяться. "Слава Богу, не трагедия, а фарсом" — Александра Исаевича Солженицына отлучили от телевидения — сняли с экранного цикла его передач. Группа известных российских писателей обратилась с письмом протеста к Президенту. Результатов пока никаких.

Нортрет

Редакция пользуется
пейджером фирмы
"Mobile Telecom"
(095) 946-2222

Главный редактор: Андрей МЛАНДИН
Зам. гл. ред. (ответ. за содержание): Александр СОКОЛОВ
Зам. гл. ред. (производство): Ирина АБЕРИЧНИНА
Художественный редактор: Сергей ГИРЯНОВ
Дизайн: Сергей ГИРЯНОВ
Секретарь: Ольга ПОДКОПАЕВА
Второй номер: 133 4551, 132 4552. Цена: 255 4013
Справки по телефону: 123 0209

Учредитель: ИД "НОВЫЙ ВЗГЛЯД" и МО "РЕФОРМА"
Печать на бумаге формата А4 в количестве 1000 экз.
Регистрация: ИД "НОВЫЙ ВЗГЛЯД" № 013/0000000
Генеральный директор: Александр МЛАНДИНОВ
Дизайн: Сергей ГИРЯНОВ
Секретарь: Ольга ПОДКОПАЕВА
Справки по телефону: 123 0209

Моя Газета
Печать на бумаге формата А4 в количестве 1000 экз.
Регистрация: ИД "НОВЫЙ ВЗГЛЯД" № 013/0000000
Генеральный директор: Александр МЛАНДИНОВ
Дизайн: Сергей ГИРЯНОВ
Секретарь: Ольга ПОДКОПАЕВА
Справки по телефону: 123 0209

